

Киевские дневники. 1990-1993

ЛЕТО 1992

<...>

В полшестого мы с Максимом договорились встретиться на площади Жовтневой Революции. Название площади переклеили новым: МАЙДАН НЕЗАЛЕЖНОСТІ. В газетных киосках вместо газет продаются футболки, лак для ногтей, дезодорант, американская (Илья: «мериканская») жвачка, телефонный справочник «Київ» 1986 года издания.

Торговля валютой запрещена, но валютчики и обычные граждане особо не таясь дежурят на Крещатике, перед ЦУМом, в руках картонки со знаками валют: «DM \$».

– Сколько даете за марку? – спрашиваешь у них, они отвечают:

– Сто восемьдесят.

– Сто девяносто.

– Сто девяносто пять.

Поблагодарив, идешь дальше.

– А сколько у вас? – кричат тебе вослед: готовы уступить .

На книжных лотках Дюма, Роллан, Стругацкие. Порнография, искусство любви, детективы. Словари. Англо-русский политехнический за 800 карбованцев. Из негусто представленной литературы – Набоков («Лолита»), Гессе, Лимонов. История Украины, Киева. Медали-ордена, присуждавшиеся в СССР.

Я обзавожусь карманным календарем цветов украинского флага. Желтую полосу украшают колосья, голубую – нарочитое облачко с горизонтально отрезанным нижним краем. На ходу я

учу месяцы – січень, лютий, березень.

Максим – миллионер. Костюм в елочку, дорогие туфли, белая футболка, на шее золотая цепочка. Солнцезащитные очки. Обнимая, целует в правую щеку, в левую, покровительственно улыбается, обнажая те же развалины зубов: «Привет, привет». Он держится вежливо, но высокомерно. Говорит гнусным, скрипучим голосом. Ведет в кафе. Угощает соком, мороженым, апельсином. Апельсин не поддается моим попыткам съесть его с соблюдением правил приличия, распыскивается по столу, давит косточкой, застревает в зубах. Максим, предупредительно: «Еще сока? Я возьму тебе». – «Спасибо, не хочу». Я и мороженого не хочу.

Обезьяна, по определению Максима, ничем не занимается, «одной трепологией», кто-то из друзей женился. Максим рассуждает о ценах. Возможно, он приедет в Мюнхен: у него есть машина. Машина немного битая, советская – «Москвич». Плюхнувшись за руль, Максим включает кассетник. Едет быстро, уверенно: «Надо подскочить на работу».

На работе у него – начальница, она «делать бизнес умеет». Меня зачем-то усаживают между собой. Послушав их спор, я встаю, переминаю ноги, стараясь развеять ощущение дискомфорта.

После офиса мы подъезжаем к Днепру. Прогулявшись, посиживаем на лавочке. Садится солнце, розовеет небо. Максим постепенно отходит от роли бизнесмена. Теперь он – студент социологии, который хотел бы учиться в Германии: «Но тебя ведь проблемы общества не интересуют». Эту фразу он произносит с той же безапелляционностью, с которой Граф отметил: «Ты не интересуешься политикой». Максим предлагает в субботу сходить на пляж. Потешается над историей возникновения царапин на моей руке: «Через забор полезла? Обойти было нельзя?» – «Далеко». В присутствии Максима у меня проскальзывают языковые ошибки. Лексические, грамматические, синтаксические. Я чувствую неловкость, он все время рассматривает меня, будто оценивает. И приходит к выводу, что я не соответствую его критериям.

В квартире, наконец, одна. Темная мебель, обои с узором. Занавеска вздувается. Я сплю хорошо.

СУББОТА

А просыпаюсь рано. Хожу по квартире, не понимая, куда бы деться. Наступил рассвет, но тополя за окнами затеняют комнату. Оранжевая, нора. Самое светлое помещение – кухня. По ней шныряют тараканы, муравьи.

С О., Алиной и ее соседкой Ирой на ВДНХ. О. с выражением всезнания учит Алину, как воспитывать ребенка, прививать ему самостоятельность. Алина смеется над ним, но О. в воспитательном пылу иронию не замечает. Алина: «Педагох». О.: «Педабох!» Посетители

ВДНХ экипированы пакетами, сумками, рюкзаками. О.: «Воровать пришли». Вдруг – милицeйская машина. Посетители сада напускают на себя невинный вид («Да мы просто гуляем»), милиционеры предупреждают деревья не трогать, да близко не подходить.

Милицeйская машина уезжает, меня в кустах ставят на стрeм, О. с Ирой, прыгая как зайцы, набивают три сумки яблоками и грушами. Когда мы перелезаем через забор, объявляют автобусный рейс: «Внимание!» Обращено не к нам, но мы вздрагиваем, все равно.

Внимание... «Граждане, обратите внимание, Приднестровье!» В метро мужчина с девушкой собирают подаяния у пассажиров. На ступеньках подземных переходов милостыни просят старушки-старички. Вездесущие лотки. Жвачка, шоколад, сигареты. Чай в пакетиках – 220 к., бутылка лимонада – 200. Книжные ларьки. Эдичка. На Парижской Коммуны я не застаю Слона [1].

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Утром с Алиной и О. на «Пионерскую», на «Книжную балку». О. дает советы, указания. Алина вздыхает: «Да-да».

Музей истории Подола. Красивое желтое здание.

В кино скукотища (О.: «дрянь-дребедень»). Мы уходим через полчаса после начала.

У Алины смотрят телевизор. Задорнов объясняет, как удалить пятно из брюк: «Натяните брюки на кастрюлю с кипящим картофелем и потирайте пятно в течение полутора часов. Если это не поможет, делайте на этом месте вышивку. Если и это не поможет, зашейте брюки так, чтобы пятна не было видно».

В квартире родителей Постоянного О. настраивает телевизор, расстроенный мной. Оставляет видеокассету с французским фильмом – «Отчим».

Без пятнадцати два ночи звонит телефон. Споткнувшись в потемках коридора, снимаю трубку: Постоянный.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Двенадцать часов, Худинститут. Тоненькая художница Бахина – глаза покрасневшие, нос горбатый, выразительный. Муж усат, как кот. Картины, предназначенные для выставки в Мюнхене в январе. На прощание по полчашки крепкого чая. Бахина провожает до школы искусств.

Из троих джазистов репетируют двое – ударник и О.

С О. в Гидропарк. Гнилая вода, укромные уголки. Я боюсь хулиганов, но привязывается к нам не хулиган, а милиционер: «Ваши документы!» О. предъявляет паспорт. У меня документа нет, паспорт в УВИРе. Милиционер отводит меня в сторону: «Как ваша фамилия?.. Как?!.. Имя-отчество?.. Где проживаете?.. Где?!.. Сколько времени вы там живете?.. Что?! Родились?.. А тут вы зачем?.. В гостях?.. Где?.. Лесной массив? У этого?! – Милиционер показывает на куст, за которым – О. – Его фамилия?!.. Имя-отчество?! – Отчества О. я не знаю. – Сколько знакомы?» – «Два года». – У милиционера вопросов больше нет, он отступает.

– А что ему было нужно?

– Следить за порядком.

– За отдыхающими, то есть? Порядки хорошие.

Под скрипичный концерт Й. Г. Баха мы едим картошку.

ВТОРНИК

Заснув около пяти утра, я поздно и встаю. Сберкасса на улице Шолом-Алейхема «не принимает платежи по Радянскому району». С Крещатика троллейбусом... не в том направлении (неправильно подсказали). Чертыхаясь я еду обратно. На бульваре Шевченко художнице Рыжих передаю сверток от Постоянного. Рыжих приглашает посмотреть картины.

С О. до сберкасси: с двух до трех перерыв. Время перерыва коротаем на скамейке в Ботаническом саду. Сберкасса открывается, но кассир от моих денег отказывается: «Платежи такого рода – не к нам». На автобусе за «Площу Перемоги» [2]: «Квитанции не так заполнены!» Переписав их, я, наконец, плачу. Теперь – в УВИР. В УВИРе долго несут паспорт, обстоятельно подписывают какие-то бумаги.

Гидропарк. Везде песок. В зубах, в ушах, в ботинках. Солнце, мерцая, тонет за городом, отсвет колеблется на воде.

На Парижской Коммуны англичанка осматривает картины Слона. Англичанка уходит, Слон, доброжелательный рослый блондин с рыхлыми чертами лица, с радостным смешком вертит в крупных руках подарок Постоянного – маленького африканского слона из мюнхенского магазина товаров из третьего мира. К запущенной квартире примыкает балкон в заросший зеленью двор. Запах деревьев смешивается с ароматом чая и свечи на столике, которую зажигает Слон. Спинками к стене уставлены кресла.

Вечереет. Слон слушает мои рассказы о Постоянном и его мюнхенских приключениях. Осекает: «Ты – водолей и коза?» – «Ты о чем?» – «Ты очень похожа на мою жену. Бывшую». На столике книжка в мягком переплете «Чудо голодания».

Стемнело. Слон с Дульфаном [3] зовут на пляж. Вода плещется, песок влажен, холоден. Слон

с Дульфаном, сбросив одежду, окунаются в волны Днепра.

Я не купаюсь, сторожу их вещи. Под луной сверкают их вытянутые белые фигуры, удаляющиеся. Затем их головы танцуют над водой, перекликаются голоса. Я рою ямки, впадины, рвы. Вода забирается в них, размывает, затопляет пейзаж.

Наплескавшись, художники подсаживают меня к частнику. Он чешет на адской скорости. Я и не соображаю, доставляет ли он меня по нужному адресу. Подъезд, у которого он выпускает меня из машины, не тот. Тем не менее, я, изображая уверенность, захожу в него. В подъезде жду, пока машина не отъехала. Выхожу из подъезда на улицу и зигзагом доплетаюсь до своего. «Когда боишься, – напутствовал Дульфан, – лучше не бойсь».

СРЕДА

Плутаем по лесу, ищем дорогу. Ломаются ветки, качаются деревья – ветер. Озеро, бурное, грозное. Небо то облачное, свинцовое, то яркое. Слепящее солнце. Тропинка. Шоссе. Мимо грохочут легковушки, грузовики, чуть ли не сметая нас с обочины. Яблоки, красные. Арбуз, полосатый. Мы приобрели его, шестикилограммовый, за 200 карбованцев – «дешево» (я), «бешено» (О.). Тихо, тихо, зелено. На втором, необустроенном этаже дачи – запах пыли и разогретого дерева.

На Парижской Коммуны сидят себе двое, молча курят.

– Человек живет для того, чтобы быть более совершенным в своей следующей жизни, – считает Слон. – Стараться? Нет. Главное – никуда не торопиться.

– Ты – из Одессы? – нарушает свое молчание один из курящих.

– Нет.

– Из Москвы?

– Из Мюнхена.

На Ярославовом валу – джазисты. Дома – арбуз, часть два. В окно прохлада. Укутаться бы.

ЧЕТВЕРГ, 3 СЕНТЯБРЯ

С Бахиной на молодежную выставку: «Ангел с яблоками», «Синий интерьер», «Дідусь на морі».

Н. велит заблаговременно узнать стоимость билета до Мюнхена. Иду узнавать. Очередь в кассу отстаиваю зря: «Касса справок не дает!» Встаю в очередь в справочную.

Билет в один конец стоит 263 доллара 500 рублей или 396 марок 500 рублей. Билет из Мюнхена в Киев стоил 280 марок. В толк не возьму, почему отсюда настолько дороже. У меня не хватит денег на обратный поезд до Мюнхена.

Улица Чкалова. Автобусные рейсы для выезжающих на ПМЖ: Киев-Дортмунд, Киев-Гамбург. Может, на Гамбург? Билеты есть на октябрь. А книги я как повезу? А имеет ли смысл возиться с ними? Поклявшись книг уже не покупать, я покупаю случайно подвернувшегося Хармса и русско-украинский словарь.

Студент английского отделения иняза А. отпустил противную жидкую бородку. Много и нудно говорит, часто мигает, глядя поверх очков в коричневой оправе. Все расспрашивает меня, чего я хочу. «Чего хочу? Жить хочу. Ходить, смотреть, насмотреться, умереть. Вот и все. Макар Чудра». [4]

После вялой прогулки с А. на Парижской Коммуны. В подъезде набегаю на Слона – он «за травкой». Приду ли я завтра на прощальный вечер. Приду. Мы расстаемся на перекрестке, недалеко от Софии [5].

На рынке. Изюм – 100 куп., пшеница – 25,40, киви – 50 (О.: «Ах, как хорошо у нас стало, можно любоваться и на киви»), сыр, 2 сорта – 125 и 175 куп. за килограмм соответственно. Сушки – 65 куп./кг.

Проездной билет на все виды транспорта стоит 60 крб. Название месяца на нем теперь значится на украинском языке: ВЕРЕСЕНЬ. Под ним указан вид проездного документа:

«Місячний квиток для проїзду у трамваї, тролейбусі, міському автобусі, метро». Все бы ничего, если бы не буква «і», торчащая отовсюду, как иголка, всегда готовая кольнуть. Она мне кажется чужой, и это при том, что я знаю ее с детства, всю жизнь пользовалась ей, и никогда она не вызывала у меня никаких опасений. Она законно занимала свое место в немецких словах, выделяясь разве что остротой интонации, когда ударение падало на нее, как, например, в моем имени. Букву «і» я писала с удовольствием, с подпрыгивающей точкой над тонкой палочкой. «Трамваї», «тролейбусі», «автобусі» же из области, находящейся за пределами моего опыта и даже моего воображения. Мне смутно представляется, что, проезжая на них, я попаду вовсе не туда, куда я попадала в прошлом, что с названием изменились, да подменились маршруты и цели, конечные остановки. Если они вообще еще располагаются в мире реальном.

Станция «Дарница».

– Бездарница, – шутит О.

ПЯТНИЦА

«Отсчет утопленников». По телевидению советское кино о Кате и Ромane, большой любви в пору юности. Под конец фильма Роман, воспламенившись страстью, вываливается из окна, под ноги проходящей мимо дома героини.

В Ботаническом саду голодные глаза бездомных собак. На скамейках кошки сворачиваются в клубок. Трамвай с номером 35. Опять тридцать пять.

На Парижской Коммуны – слет разномастных гостей. Художники пакут чемоданы в Эдинбург. Собираясь в путь, тусуются до последнего.

Майдан незалежності. Я все привыкаю к сменившейся топонимике. Смягченному звучанию. В переходе пляшут под звуки трубы. Помни о смерти. Зачем?

[1] Киевский художник Олег Голосий, 1965-1993. Ключевой представитель украинской «Новой волны» 80-90-х гг. Автор «Киевских дневников» периодически общалась с ним в Киеве и во время его пребывания в Мюнхене в 1992 г.

[2] б. «Площадь Победы»

[3] Одесский художник

[4] В оригинале: «Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай – вот и все!»

[5] Софийский собор